

Глава 8

Природа и культура

Посмотрите на этого коротышку. Бедняга, природа его явно обделила, — говорим мы с жалостью и сочувствием. Мы не виним человека за его невнушительный рост. Нас просто поражает, что он ниже многих людей, которых мы знаем, а именно: ниже “нормального” роста. Но нам и в голову не приходит, что где-то кто-то может сделать человека выше. Насколько нам известно, ростом невозможно манипулировать; рост — это, так сказать, приговор природы, который обжалованию не подлежит. Нет способов отменить или аннулировать его. Нет другого выбора, кроме как принять его и жить с ним по мере сил. “Посмотрите, какой толстяк, — говорим мы уже со смехом. — Должно быть, он обжора или пивная бочка. Стыдно. Он должен что-то делать с собой”. В отличие от роста толщина человеческого тела, как нам кажется, находится во власти человека. Ее можно уменьшить или увеличить. В этом нет ничего неизменного. Вес человека может и должен регулироваться, чтобы соответствовать нужному стандарту. Люди сами отвечают за свой вес, у них есть обязательства в этом отношении, и им должно быть стыдно, если они ими пренебрегают.

Чем отличаются друг от друга эти два случая? Почему мы реагируем на них по-разному? Ответ дает нам знание того, что люди *могут* сделать, и наше убеждение в том, что они *должны* делать. Во-первых, встает вопрос: что находится “во власти человека”, когда он что-либо предпринимает (доступны ли ему существующие знания, навыки, технологии и может ли он их использовать, чтобы преобразовать по своему вкусу тот или иной аспект или фрагмент мира). Во-вторых, вопрос заключается в том, существует ли стандарт, норма, которой это “что-либо” *должно* соответствовать. Другими словами, есть вещи, которые люди могут изменить, сделать иными, нежели они были раньше. К ним следует относиться иначе, чем к вещам, которые не доступны власти человека. Первые мы называем культурой, вторые — природой. Поэтому если мы представляем себе нечто как относящееся скорее к культуре, нежели к природе, то мы имеем в виду, что данной вещью можно манипулировать и что существует желаемое и “правильное” конечное состояние такой манипуляции.

В самом деле, если вы представите себе подобную ситуацию, то само слово “культура” во многом предполагает именно это. Оно оживляет в памяти труд фермера или садовника, который тщательно обустроивает клочки земли, отвоеванные уликой природы, и культивирует их, отбирает семена для посева и саженцы, удобряет их, прививает растения, придавая им нужный вид, т.е. вид, который он считает соответствующим данным растениям. Но на самом деле фермер и садовник делают больше, чем только это. Они также выпалывают нежелательных гостей, “незваные” растения, которые выросли здесь “по своему усмотрению” и тем самым испортили аккуратную планировку участка, снизили запланированную урожайность поля или повредили эстетическому идеалу сада. Именно подсчет урожайности или идея порядка и красоты разделили все растения на полезные, достойные заботливого ухода, и сорняки, подлежащие выкорчевыванию, потраве или избавлению от них каким-либо другим способом. Именно фермер или садовник составляют картину “порядка вещей”, а затем используют свои навыки и орудия для воплощения в жизнь этой картины (заметим, что в большинстве случаев навыки и орудия, которыми они уже обладают, определяют границы воображения фермера или садовника; только такие представления о порядке воспринимаются как вполне реальные при данном уровне развития искусства). К тому же они предлагают и критерии различения *порядка и беспорядка, нормы и отклонения от нее*.

Работа фермера или садовника является показательным примером культуры, она выступает как деятельность, имеющая цель, причем особого рода цель, а именно: придание определенной части реальности той формы, которая иначе не появилась бы без определенного усилия внедрить ее. Культура занимается тем, что делает вещи отличными от того, чем они были и могли бы быть без нее, и тем, что сохраняет их в этой искусственной форме. Культура занимается также тем, что внедряет и сохраняет порядок и борется против всего, что отклоняется от этого порядка, нарушает его и, с ее точки зрения, выглядит как *хаос*. Культура вытесняет и замещает “естественный порядок” (т.е. положение вещей, каково оно есть без человеческого вмешательства) искусственным, спланированным. Культура не только *внедряет* искусственный порядок, но и *развивает* его. Культура означает предпочтение. Она превозносит один порядок как наилучший, возможно даже — единственно хороший, принижая при этом все другие варианты как неполноценные или в целом беспорядочные.

Граница между природой и культурой зависит, конечно, от имеющихся в нашем распоряжении знаний и навыков, а также от того, существует ли у нас намерение использовать их для достижения целей, не ставившихся ранее. В целом же развитие науки и технологии увеличивает возможности манипуляции считавшимися до сих пор “естественными” явлениями и тем самым расширяет область культуры. Возвращаясь к нашему первому примеру, мы можем надеяться, что технологии и практика генной инженерии, химической промышленности, а также профессионализм медицинских работников когда-нибудь вполне смогут изменять рост человека, поднимая его из естественных рамок на уровень культурного стандарта: рано или поздно технологии манипулирования генами или лекарствами, воздействующими на рост тканей и органов тела, позволят предотвращать уменьшение роста человека ниже желаемого стандарта, который тогда станет нормой. Правильный рост, как и правильный вес, мог бы уже сегодня стать предметом коллективного внимания и личной ответственности.

Давайте, однако, остановимся несколько подробнее на нашем воображаемом примере, поскольку он иллюстрирует еще одну важную черту культуры. Если для регуляции роста будет использоваться генетический контроль, то решать, какого роста быть человеку, будет не он сам, а другие; скажем, это будут родители, которые сами установят, каким быть их отпрыску; или это будет закон, написанный и применяемый государственной властью, которая будет решать, какой рост граждан является правильным; или это будет заключение медицинского специалиста, который порекомендует, что является “нормальным”, а что — “ненормальным” размером человеческого тела. То есть, как бы то ни было, но обладатель тела будет вынужден принять заключение других или (как в случае с генной инженерией) его принятие или непринятие просто не будут иметь значения. Культура, демонстрирующая растущую мощь человечества в целом (можно сказать, его растущую независимость, свободу от природы), может проявляться для отдельного человека во многом подобно законам природы, как рок, против которого не взбунтуешься.

Как показывает наш пример, культура — это действительно человеческая активность, но активность, которую одни люди испытывают на других. Как и в случае с садом, в любом культурном процессе роли культурного садовника и окультуриваемых им растений безусловно различаются и не смешиваются. Причиной несамоочевидности такого разделения в случае с “человеческими растениями” является то, что зачастую неясно, кто “садовник”. Власть, стоящая за нормой, которую индивиды вынуждены соблюдать или по образцу которой они сформированы, как правило, размыта и анонимна. Невозможно указать точно, где она находится. Огромная и подавляющая власть, формирующая человеческое тело и, сознание, проявляется в форме “общественного мнения”, моды, “общепринятого мнения”, “мнения экспертов” или даже такого неуловимого образования, как здравый

смысл, являющийся общим, но ничьим в отдельности. Может показаться, однако, что существует некая абстрактная, неосязаемая, неопределенная культура сама по себе, которая и заставляет людей делать что-либо, например, красить губы, а не уши, или мочиться в одиночестве, а пить в компании. Культура становится некой иллюзорной “субстанцией”; она кажется прочной, тяжелой, весомой и непоколебимой. С точки зрения, удобной для человека, который считает любое сопротивление господствующим формам жизни рискованным и неблагодарным занятием, она может показаться неотличимой от остальной реальности “вовне”. Она не кажется менее “естественной”, чем само естество. Конечно, в нем мало *искусственного*, если искусственность означает быть сделанным людьми и таким образом располагать чьим-то решением или согласием поддержки. Несмотря на свое явно рукотворное происхождение, культура, как и природа, прочно и неприступно возвышается над возможностями индивида. Как и природа, она защищает настоящий порядок вещей. Хотя никто не сомневается в том, что сельское хозяйство или садоводство есть дело рук человеческих, в случае же с “человеческой культурой” подобная истина глубоко упрятана или по меньшей мере скрыта. Но от этого истина не становится меньшей, чем в других случаях.

Как только вы пристальнее посмотрите на “рукотворные элементы” своей жизни, вы, вероятно, заметите, что они входят в вашу жизнь двумя путями; или, говоря иначе, действия, вызванные внедрением и поддержанием искусственного, “рукотворного” порядка, могут быть двух типов. Это действия, направленные, во-первых, на окружение, во вторых, — на индивида. Первые регулируют, упорядочивают ситуацию, обстоятельства, в которых проходят жизненные процессы индивида; вторые формируют мотивы и цели самих жизненных процессов. Первые делают жизненный мир человека менее случайным, более регулярным, таким, что определенное поведение становится более уместным и разумным и, в конце концов, более вероятным, чем какой-либо другой его вид. Вторые делают человека более расположенным к выбору определенных мотивов и целей из огромного множества других, какие только можно представить себе. Заметим, что эти два аналитически различаемых типа не являются взаимоисключающими по своему применению и результатам, как не являются они и не зависящими друг от друга. Мое окружение, как и окружение любого другого индивида, в не меньшей мере состоит и из других индивидов с их мотивами и целями, а следовательно, “нормативная регуляция” индивидуальных мотивов и образцов поведения является важным фактором в общей регулятивности и предсказуемости окружения.

Порядок отличается от случайности или хаоса тем, что в упорядоченной ситуации не все может случиться, т.е. не все возможно. Из фактически бесконечного числа всех мыслимых событий может иметь место только ограниченное количество. Различные события обладают разной степенью вероятности: некоторые могут произойти с большей вероятностью, чем другие. Искусственный порядок можно считать прочно установившимся, если то, что было невероятным, трансформировалось в необходимое или неизбежное (как, например, происшествие совершенно невероятного события — встречи яиц и бекона в регулярной утренней процедуре). Установить порядок, следовательно, означает манипуляцию вероятностью событий. Некоторые события, обычно происходившие случайно, делаются более вероятными, “нормальными”, тогда как на пути других событий воздвигаются препятствия. Установить порядок — значит выбрать, отобрать, установить предпочтения и приоритеты, *оценить*. Ценности стоят за любым искусственным порядком и фактически являются его неотъемлемой частью. Никакое описание искусственного порядка не может быть поистине свободным от ценностей. Любой такой порядок представляет собой лишь один из многих способов отклонения вероятностей, которому было отдано предпочтение перед другими. Как только он

прочно и надежно устанавливается, мы естественно “забываем” об этой истине и воспринимаем его как единственно возможный.

Теперь нам кажется, что коль скоро возможен только один-единственный порядок, разнообразие беспорядка бесконечно. Специфический, данный порядок воспринимается как синоним порядка как такового; все альтернативы однозначно классифицируются как беспорядок или хаос.

Как человеческие существа мы все заинтересованы в создании и поддержании упорядоченного окружения, и прежде всего потому, что большая часть нашего поведения — *заученное* поведение. Из наших прошлых действий мы лучше вспоминаем те, которые были успешными — принесли желаемый результат, доставили удовольствие, снискали одобрение и уважение окружающих нас людей. Благодаря драгоценному дару памяти и способности обучения мы можем приобретать еще более эффективные жизненные навыки; мы *накапливаем* знания, умение, опыт. Но память и обучение приносят благоприятные результаты лишь до тех пор, пока ситуация (контекст) наших действий остается по большей части неизменной. Благодаря постоянству окружающего нас мира наши действия, успешные ранее, могут оставаться таковыми и сегодня, и завтра. Только представьте себе, какая ужасная катастрофа может произойти, если, например, изменить значение цветов светофора, никого не предупредив об этом. В случайно, хаотически меняющемся мире память и научение превратились бы из благословения в проклятье. Научаться, следовать прошлому опыту было бы поистине самоубийственно.

Упорядоченный мир, это регулярное и уютное, вполне предсказуемое окружение, в котором мы проводим большую часть своей жизни, является продуктом культурного замысла и отбора. Хорошо спроектированные и построенные здания существенно сокращают амплитуду колебаний температуры и полностью исключают невыносимые крайности. Разделение улицы на тротуар и проезжую часть значительно уменьшает вероятность смертельного столкновения между пешеходом и средством транспорта. Мост, соединяющий берега реки, уменьшает вероятность промокнуть или утонуть, пересекая реку. Разделение города на кварталы с различными уровнями цен и арендной платы, с различным качеством удобств ограничивает круг людей, которых вы можете встретить как прохожих или соседей. Подразделение поезда или самолета на первый и второй классы с существенно различными ценами на билеты также ограничивает круг возможных попутчиков.

Порядок окружающего нас мира противостоит беспорядочности нашего собственного поведения. В целом мы выбираем различные дороги для прогулки или поездки. На вечеринке с выпивкой мы ведем себя иначе, чем на семинаре в колледже или на деловой встрече. Мы по-разному ведем себя в родительском доме на каникулах и на формальной встрече с людьми, которых мы не знаем. Мы используем разный тон голоса и разные слова в зависимости от того, обращаемся мы к начальнику или болтаем с друзьями. Есть слова, которые мы в одном случае говорим, а в другом — избегаем произносить. Есть вещи, которые мы делаем публично, а есть “частные”, которые мы делаем только тогда, когда уверены, что за нами никто не наблюдает. Примечательно, что, выбирая “соответствующее” случаю поведение, мы оказываемся в компании других людей, которые ведут себя точно так же, как и мы; отклонения от того, что вполне очевидно является *правилом*, случаются крайне редко — как если бы всех нас одинаково дергали за нечто вроде невидимых нитей.

Если я все перепутаю и буду вести себя так, как полагается вести себя в другом контексте, в обстоятельствах, для которых мое поведение явно не подходит, я, по всей вероятности, буду чувствовать себя смущенным или виноватым. Я сожалею о совершенной ошибке, которая может мне дорого стоить: например, я потеряю работу или возможность продвижения по службе, скомпрометирую свою репутацию, неудачно попытаюсь заслужить или потеряю симпатию дорогого мне

человека. В других случаях мне может быть стыдно, как если бы я выдал какой-то секрет о своем “истинном Я”, который я хотел бы скрыть или даже желал бы, чтобы его не было. В моем чувстве стыда, в отличие от сожаления по поводу ошибки, повлекшей неприятные результаты, нет никакого расчета или чего-то рационального. От этого чувства я освобождаюсь без особых раздумий. Стыд есть автоматическая реакция на перепутывание, смешение того, что должно быть порознь, на нарушение различия, которое должно было соблюдаться и оставаться неприкосновенным. Можно сказать, что стыд является (культурно усвоенной) защитой против таких смешений, против отрицания *различий*. Его можно воспринимать как способ удерживать наше поведение в правильном (т.е. культурно предписываемом) русле.

Теперь должно быть ясно, что культура — этот труд по наведению искусственного порядка — реализуется главным образом путем проведения различий, отделения, разграничения, сортировки вещей и действий, которые иначе вряд ли были бы разделены. В пустыне, не тронутой человеческой деятельностью и безразличной к человеческим целям, нет ни пограничных столбов, ни заборов, делающих одну полосу земли отличной от другой; одна дюна в точности похожа на другую, свободна от значения “самости”, не несет на себе ничего, что отличало бы ее от другой. Незаселенная пустыня кажется бесформенной. В среде, подверженной работе культуры, напротив, однообразная плоская поверхность разделена на области, принимающие одних людей и отталкивающие других, или на полосы, предназначенные только для транспорта и только для пешеходов, т.е. мир приобретает структуру. Люди подразделены на высших и низших, представителей власти и простых людей, тех, кто говорит, и тех, кто слушает и записывает, — и все это вне всякого отношения к “естественным” различиям или сходствам их физического строения или умственной конституции или даже вопреки им. Однообразное течение времени разделяется на время завтрака, перерывов на кофе, обед, вечерний чай или ужин. Похоже или одинаковые по своему “физическому” составу собрания тем не менее в одном случае называются семинаром, в другом — конференцией, в третьем — вечеринкой. Приемы пищи различаются как совершенно разные события — просто чай, ужин у телевизора или трапеза при свечах.

Представляется, что эти и подобные различия проводятся одновременно в двух планах: один план — это “форма мира”, в котором имеет место действие; второй — само действие. Части мира различаются между собой, равно как и внутри себя, в зависимости от периодов, различаемых в потоке времени (одно и то же здание может быть школой утром и балом вечером, жилая комната может быть местом занятий днем и спальней ночью — они меняют свое назначение). Точно так же дифференцируются и действия. Типы поведения за столом резко различаются в зависимости от того, что на столе и кто за столом. Даже застольные манеры — способ поведения во время еды — различаются в зависимости от того, что она собой представляет — формальную трапезу, обычный семейный ужин или просто дружескую пирушку.

Отметим еще раз, что различение этих двух планов (контекста и действия в нем, внешнего и внутреннего, объективного и субъективного) является продуктом абстракции. Два теоретически разных плана на самом деле неотделимы друг от друга. Не было бы формального обеда, не будь людей, обедающих в формальной манере, или бала, не будь танцующих, как на балу, как не может быть реки без потока или ветра без дуновения. Именно определенные действия преподавателя и студентов делают семинар семинаром. Два теоретически различных плана на практике неразрывно связаны — это, скорее, две стороны медали, чем два разных предмета. Один не может существовать без другого. Они могут появиться и сохраняться только одновременно и вместе. *Различия*, являющиеся сущностью культурно произведенного порядка, влияют одновременно и параллельно,

согласованно, синхронно и на контекст действия, и на само действие. Можно сказать, что противоположности, различаемые во внешнем мире, повторяются в дифференциации поведения действующих; использование же противоположных образцов поведения отражается во внутренних подразделениях окружающего мира. Можно пойти еще дальше и сказать, что дифференциация поведения является сущностью, или смыслом, дифференциации среды, и наоборот.

Эту координацию можно было выразить и по-другому: сказав, например, что культурно организованный социальный мир и поведение культурно обученных индивидов структурированы, т.е. “артикулированы” при помощи противоположностей в отдельные социальные контексты, требующие различной деятельности и различных образцов поведения, пригодных для различающихся между собой социальных контекстов, и что обе артикуляции соответствуют друг другу (или, говоря техническим языком, они “изоморфны”). Всякий раз, когда мы видим противоположность способов поведения (например, приводимое ранее противопоставление формального и неформального поведения), мы можем с уверенностью предположить наличие такой же противоположности (оппозиции) и в контексте социальной реальности, в которой эти способы поведения имеют место, и наоборот.

Механизм, обеспечивающий столь чудесное “совпадение”, соответствие между структурами социальной реальности и культурно регулируемым поведением, называется культурным кодом. Как вы уже, наверное, догадались, код — это прежде всего система противоположностей (оппозиций). В самом деле, в этой системе противопоставляются знаки — видимые, слышимые, осязаемые, обоняемые объекты или события вроде огней разного цвета, деталей одежды, надписей, устных утверждений, тона голоса, жестов, выражений лица, запахов и т.д. Они-то и связывают поведение действующих субъектов и социальную форму, поддерживаемую их поведением. Знаки, как правило, содержат два указания одновременно: на намерения, интенции, действующего субъекта и на данный фрагмент социальной реальности, в котором он действует. Ни одно направление не служит простым отражением другого. Ни одно из них не является также первичным или вторичным. Оба они, повторим еще раз, существуют только вместе, будучи укоренены в одной возможности, предоставляемой культурным кодом.

Представьте себе, например, надпись “Вход воспрещен” на двери конторы. Вы, наверное, замечали, что подобная надпись чаще всего появляется только на одной стороне двери, а дверь, на которой она висит, обычно бывает не заперта (если бы дверь невозможно было открыть, то вряд ли такая надпись понадобилась бы вообще). Следовательно, надпись не дает никакой информации об “объективном состоянии двери”. Это скорее указание, предназначенное для создания и поддержания ситуации, которая иначе не образовалась бы. Фактически слова “Вход воспрещен” лишь проводят различие между двумя сторонами двери, между двумя типами людей, приближающихся к двери с разных сторон, и двумя типами поведения, которые ожидаются от этих людей и разрешены им. Пространство за обозначенной стороной двери закрыто для тех, кто приближается к двери со стороны надписи, но к людям по другую сторону двери, напротив, этот запрет не относится. Именно данное различие и обозначает знак. Его задачей является установление различий в однообразном пространстве между равно единообразными людьми.

“Человеческая культура” как научение индивидов состоит в том, чтобы наделять знанием о культурном коде: сформировать способность читать знаки, привить навык их отбора и демонстрации. Все должным образом “окультуренные” личности могут безошибочно определять потребности и ожидания, заложенные в ситуации, в которую они вступают, и отвечать на эту ситуацию, выбирая соответствующий образец поведения. И наоборот, все обученные культуре люди

способны безошибочно подобрать манеру поведения, которая вызовет тот тип ситуации, который им нужен. Кто “знает” код, тот использует его в двух направлениях одновременно. Светофор на перекрестке дает хорошую иллюстрацию такой двусторонности. Красный свет *сообщает* водителям, что путь вперед закрыт. Он также *заставляет* их остановить машину, тем самым действительно закрывая путь вперед для движения по этому направлению и делая истинной информацию, сообщаемую зеленым светом, который открывает дорогу в перпендикулярном направлении.

Код срабатывает, конечно же, только в том случае, если все люди, участвующие в данной ситуации, прошли такое же культурное обучение. Все они должны были научиться читать культурный код и пользоваться им одинаково. В противном случае знаки не будут восприниматься именно как знаки, им не удастся побудить читающего их к объектам или типу поведения, который они замещают; или они будут прочитаны неверно, даже наоборот. Предполагаемой координации не произойдет, поскольку действия различных воспринимающих не будут соответствовать смыслу знаков (только представьте себе, что может случиться на перекрестке, если какой-нибудь водитель неправильно “прочтет” красный свет; или если какие-нибудь водители прикрепят красные подфарники спереди, а фары — сзади). Тот, кто впервые входил в колледж или в контору, ездил на каникулы в отдаленную местность, наверняка познал эту неприятную истину на собственном опыте. Уютное чувство безопасности, ассоциируемое со знакомым окружением, с пребыванием дома, возникает именно из подробного знания применяемого здесь культурного кода, а также из обнадеживающего и обоснованного ожидания, что такое знание есть у всех окружающих.

Знать код — значит *понимать* значение знаков; а понимание значения знаков, в свою очередь, означает знание того, как вести себя в ситуации, в которой они появляются, или как ими пользоваться, чтобы вызвать подобную ситуацию. Понимать — значит быть способным действовать эффективно и тем самым поддерживать координацию между структурами ситуации и структурами поведения. Понимание означает двойной выбор. Знак указывает индивиду, способному его прочесть, на связь между особым рода окружением и особым рода поведением.

Часто говорят, что понимать знак значит схватывать его значение. Однако было ошибкой думать, что это “схватывание значения” вызывает в сознании какой-то мысленный образ. Мысль (вербальное “раскрытие” содержания знака, нечто вроде “прочтения вслух” знака в вашей голове; например, красный свет означает приказ остановиться) может сопровождать знак или озвучивать его, но это не является ни достаточным, ни необходимым условием понимания. Ухватить значение, как и понять его, означает не более и не менее, чем знать, как продолжать вести себя. Следовательно, значение знака двойственно, поскольку несет в себе различие: одно значение — при наличии знака, другое — при его отсутствии. Иными словами, значение знака соотносится (противостоит) с другими знаками. Значение знака есть различие между ситуацией “здесь и сейчас” и другими ситуациями, которые могли бы быть вместо нее, но не случились; проще говоря, это отличие данной ситуации от всех остальных.

Зачастую (практически во всех случаях, кроме самых примитивных) одного знака недостаточно, чтобы сделать это различие достаточно четким, в конечном счете, сделать его “опорой”. Мы можем сказать, что один знак иногда несет недостаточно информации, чтобы обозначить ситуацию, сделать ее предметом внимания всех, в ней участвующих, заставить их выбрать правильное поведение и тем самым засвидетельствовать, что предполагаемая ситуация действительно имеет место. Один знак может быть неверно прочитан, и если такое ошибочное прочтение случается, то уже ничто не может исправить ошибку. Например, знак военной формы

сообщает нам вполне недвусмысленно, что этот человек служит в армии; для большинства гражданских лиц этой информации будет вполне достаточно, чтобы “структурировать” контакт. Для других, служащих в армии с ее сложной иерархией власти и разделением обязанностей, информации, заложенной в форме, будет недостаточно (к капралу и к полковнику относятся по-разному). Поэтому на первичный, более общий знак — форму как таковую — “наращивается” другой, указывающий на звание и дополняющий недостающую информацию. Но это не единственная важная информация, которую мы отметили: на военной форме знаки отличия обычно присутствуют в большем количестве, чем это было бы абсолютно необходимо для получения всей информации, требуемой для точного определения ситуации. Капрала от полковника отличают более чем два противоположных знака: разный покрой формы, различный материал, пуговицы из разного металла, на плечах — знаки, резко различающиеся по форме, то же — на рукавах. Этот излишек знаков, добавление новых противопоставлений, которые лишь повторяют уже полученную при помощи другого знака информацию, можно описать как избыточность.

Избыточность кажется совершенно необходимой для исправного функционирования любого культурного кода. Это, можно сказать, гарантия от ошибок; приспособление, которое требуется для устранения двусмысленности и неправильности прочтения. Если бы не избыточность, то случайное уничтожение или пропуск одного-единственного знака повлекли бы за собой неверный тип поведения. Чем более важна для общего порядка информация, заложенная в данной противоположности знаков, тем большей избыточности можно ожидать от нее. Но избыточность — это ни в коей мере не расточительность, а напротив, неизбежный фактор в деятельности культуры, производящей порядок. Она уменьшает опасность ошибки, недоразумения и гарантирует точное прочтение значения в соответствии с предполагаемым. Другими словами, она делает возможным использование культурного кода как средства коммуникации, т.е. взаимной координации поведения.

Давайте повторим: *смысл* имеет *противопоставление* знаков, а не один знак, взятый в отдельности. А это, в свою очередь, предполагает, что значения, которые должны быть прочитаны и поняты, находятся в системе знаков, т.е. в культурном коде в целом, в проводимых в нем различиях, а не в предполагаемой особой связи между знаком и его референтом, т.е. тем, с чем соотносится его значение. По сути дела, такой особой связи вообще не существует (впечатление, что есть естественная связь между знаком и предметом, который он замещает, само по себе является продуктом культуры, результатом усвоения кода). По отношению к фрагментам мира или к нашим действиям, которые они вызывают, знаки *произвольны*. Они не мотивированы этими фрагментами, не связаны с ними иначе, как посредством функции обозначения, предписанной знакам культурным кодом. Качество произвольности ставит культурно произведенные знаки (всю сделанную человеком систему обозначений) особняком от чего бы то ни было другого, что можно обнаружить в природе: культурный код поистине не имеет прецедентов.

Говоря о способе получения наших знаний о природных феноменах, мы часто ссылаемся на “знаки”, посредством которых природа “сообщает” нам о себе и которые должны быть прочитаны с тем, чтобы извлечь содержащуюся в них информацию. Так, глядя на капли воды, стекающие по оконному стеклу, мы говорим: “Идет дождь”, т.е. мы говорим об этих каплях как знаках дождя. Или при виде мокрого тротуара мы делаем вывод, что, должно быть, прошел дождь. Я кладу руку на лоб своего ребенка, замечая, что он необычно горячий, и говорю: “Он, должно быть, болен, давайте вызовем доктора”. Во время прогулки за городом я замечая на дорожке следы необычной формы и думаю, что этой весной сюда вернулись зайцы, причем в большом количестве. Во всех перечисленных случаях то, что я увидел или почувствовал, дает мне информацию о чем-то, чего я не мог видеть, — это и есть то,

что обычно делают знаки. Однако характерной чертой таких знаков, отличающей их от культурных знаков, рассмотренных выше, является то, что они *детерминированы*, т.е. являются следствиями своих соответствующих причин. Именно эти причины я “считываю” как информацию, содержащуюся в знаках. Дождь струится каплями воды по стеклу и оставляет мокрые тротуары; болезнь изменяет температуру тела и делает лоб горячим; зайцы, перебегающие песчаную дорожку, оставляют следы особой формы. Если я знаю о существовании этих причинных связей, то смогу установить “невидимую” причину по ее видимым следствиям. Чтобы избежать путаницы, наверное, было бы точнее говорить о признаках или симптомах, а не о знаках, ссылаясь на причинно обусловленные (в отличие от произвольных) заключения в наших суждениях (капля является признаком дождя, горячий лоб — симптомом болезни).

В случае же с культурными знаками такой причинной связи не существует. Знаки произвольны или условны (конвенциональны). Дождь не может оставить следов на дорожке, а зайцы не могут заставить воду течь по стеклу: между причиной и следствием существует однозначная связь. Однако многочисленные культурно обусловленные различия могут быть обозначены любым типом знаков любой формы. Между знаками и тем, что они замещают, не существует ни причинной связи, ни сходства. Если внутри данной культуры упор делается на различие полов, то это может быть обозначено бесчисленным количеством способов. Половые различия в манерах (форма одежды, макияж, походка, речь, общий вид) могут радикально меняться с течением времени и от одного места к другому, а различия между мужчиной и женщиной при этом будут сохраняться. То же самое относится к различиям между поколениями (что, как это ни парадоксально, иногда выражается в отрицании одним поколением различий между полами в манере одеваться или причесываться), между формальным и неформальным контекстами, между печальными событиями (например, похоронами) и радостными (например, свадьбой). Культурные знаки свободно изменяют свою видимую форму, но контраст между ними и противоположными им знаками сохраняется и воспроизводится с каждым изменением, так что работа по проведению различий — их единственное назначение — исправно выполняется снова и снова.

Однако произвольность не всегда равнозначна полной свободе выбора. Наиболее свободными являются знаки, выполняющие исключительно культурно-различительную функцию и служащие только одной потребности — в человеческом взаимодействии. Таковы прежде всего знаки языка. Язык — это система знаков, специализирующихся на функции коммуникации. Вот почему в языке (и только в языке) произвольность знаков не имеет ограничений. Голосовые звуки, произносить которые способны все люди, могут модулироваться бесконечным количеством произвольных способов при условии, что их достаточно для составления требуемых противоположностей. Одна и та же противоположность на разных языках может быть сконструирована при помощи пары, различающейся внутри себя, например мальчик и девочка, *garçon* и *fille*, *Knabe* и *Madchen*.

Но в других знаковых системах свобода (степень допустимой произвольности) не является столь полной. Выполняя коммуникативную функцию, все системы, за исключением языка, тесно связаны также с другими человеческими потребностями и тем самым с другими функциями. Платье, например, изобилует произвольными знаками и тем не менее спасает от превратностей климата, сохраняет тепло тела, предоставляет дополнительную защиту для уязвимых частей кожного покрова и позволяет соблюсти общепринятые правила приличия. Большинство этих функций также культурно регулируются (например, по большей мере дело культуры — определять, какая часть кожного покрова считается “уязвимой” и нуждается в прикрытии; потребность носить обувь, прикрывать грудь, а не ноги, или наоборот —

все это культурные результаты), но они служат уже не чисто коммуникативным потребностям; рубашки и брюки прикрывают тело в дополнение к тому, что они обозначают помимо этого. Точно так же, сколь многообразны и точны ни были бы обозначенные различия, приписанные разным видам пищи, все же есть пределы материала, в котором могут быть выражены культурные различия, поскольку, учитывая особенности человеческого пищеварения, не все может быть съедобным. Кроме того, чай или обед, формальный или неформальный, должен, помимо обозначения специфического характера события, подразумевать и питательные вещества, т.е. и прием пищи, в конце концов. Если человеческая речь используется исключительно в целях коммуникации, то другие средства коммуникации разделяют свою семиотическую функцию (нести и передавать значение) с удовлетворением других потребностей. Их код как бы вырезан на поверхности других, не в первую очередь коммуникативных, функций.

В своей коммуникативной функции (как осмысленные объекты или события, структурирующие ситуацию, в которой они появляются) знаки всегда произвольны. Любопытно, однако, что “вполне культурным” людям — тем, кто может легко и безошибочно продвигаться в сформированном данным культурным кодом мире, они вовсе не кажутся произвольными. Любой воспитанный в какой-либо языковой среде человек находит нечто вроде естественной, необходимой связи между звучанием слова и объектом, с которым оно соотносится, как если бы названия действительно принадлежали объектам и считались их атрибутами наравне с размером, цветом или упругостью. Произвольный аспект форм, запечатленный в других средствах информации, может в целом не коснуться нашего внимания: одежда для того, чтобы одеваться, еда — чтобы есть, машина — чтобы добираться отсюда туда. Трудно понять, что вдобавок к дифференцирующей информации типа одежда носится, а пища потребляется, они еще проводят различия между людьми, их разными ролями, которые они в данный момент исполняют: трудно понять, что пища и одежда тоже служат созданию и воспроизводству особого, искусственного, “рукотворного” социального порядка. Такая слепота на самом деле является частью культурной игры. Чем меньше мы осознаем не субстантивную (т.е. не соотносимую с очевидным содержанием данной деятельности) упорядочивающую функцию культурно оформленных действий, тем более надежным является порядок, поддерживаемый этими действиями. Культура наиболее действенна тогда, когда она маскируется под природу; когда искусственное оказывается укорененным в самой “природе вещей”, необходимой и незаменимой — в том, что не может изменить никакое человеческое решение. Резкие различия в социальном положении людей (вызванные культурой и поддерживаемые с момента рождения на протяжении всей жизни различиями в одежде, игрушках, играх, компаниях, предпочтениях в проведении досуга и т.п.) становятся поистине прочными и надежными, как только ученики усваивают, что социальное различие полов является чем-то предопределенным, заложенным в физиологическом строении человеческого тела, “естественным” и потому *требующим* повиновения, внешне выражаемого во всем, что делает человек, будь то манера говорить, походка, словарный запас или манера выражать (или не выражать) свои эмоции. Культурно произведенные социальные различия между мужчинами и женщинами кажутся столь же естественными, сколь и биологическое отличие мужских половых органов от женских и различие их репродуктивных функций.

Культура может вполне успешно выдавать себя за нечто несомненно естественное до тех пор, пока искусственный, конвенциональный характер выдвигаемых ею норм (эти нормы могут отличаться от того, чем они являются на самом деле) не проявится отчетливо. К тому же ее искусственность вряд ли удастся раскрыть, поскольку каждый в обозримом окружении подчинен тому же типу культурного обучения; поскольку все освоили и сохраняют приверженность одним и

тем же нормам и ценностям и постоянно демонстрируют эту приверженность, пусть даже бессознательно, своим ежедневным поведением. Другими словами, культура подобна и действует подобно природе до тех пор, пока неизвестны и не проявляются никакие альтернативные конвенции. Однако в нашем, человеческом мире такое едва ли возможно. Как правило, верно обратное. Фактически любой из нас знает, что существует множество различных стилей жизни. Мы видим вокруг себя людей, которые одеваются, говорят, ведут себя не так, как мы, и, очевидно (как мы полагаем), придерживаются других норм, отличных от наших. Поэтому мы вполне осознаем, что любой стиль, образ жизни в конечном счете является вопросом выбора. Есть не один способ быть человеком. Практически все можно делать иначе, чем мы это делаем, т.е. ни один способ не является неизбежным. Даже если каждый из них требует культуры, научения, то не сразу ясно, в каком направлении должно по необходимости проводиться это научение, какой должен быть сделан выбор. Мы знаем, что существуют *культуры*, а не одна-единственная культура. А если культура мыслится во множественном числе, то она не может восприниматься, как природа. Ни одна культура не может претендовать на безоговорочное подчинение, которого требует природа.

Поскольку культура сосуществует со многими другими способами жизни, она не способна удерживать человеческое поведение и мысли такой же мертвой хваткой, какая была бы возможна, если бы культура была поистине универсальной и свободной от конкуренции. Порядок, которому служит культура (эта конечная “цель” любой культуры), не может быть действительно надежным. Не чувствуем себя надежно и мы, объекты культурного обучения, “культурные” люди. Порядок, скрепляемый нашим культурным обучением, представляется чрезвычайно уязвимым и хрупким. Это лишь один из возможных порядков, и мы не можем быть уверены, что он самый правильный. Мы не можем быть уверены даже в том, что он лучше множества его альтернатив. Мы не знаем, почему мы должны отдавать ему предпочтение перед другими порядками, находящимися в поле нашего зрения. Мы смотрим на образ своей жизни как бы со стороны, как если бы мы были чужими в собственном доме. Мы сомневаемся и задаем вопросы. Нам нужны объяснения и заверения, мы требуем их.

Неопределенность редко когда бывает приятным состоянием, поэтому попытки избежать ее свойственны всем. Принуждение подчиниться нормам, навязываемым культурным обучением, обычно сопровождается попытками дискредитировать, принизить нормы других культур, равно как и их продукты — альтернативные порядки. Другие культуры представляются как проявляющие отсутствие культуры, как “нецивилизованный”, грубый, неприятный и жестокий образ жизни, больше напоминающий скотский, чем человеческий. Другие культуры преподносятся как результат вырождения: нездоровое, зачастую патологическое, отклонение от “нормального”, разрушение, аномалия. Даже если другие способы жизни признаются как культуры в рамках их порядка целостные и жизнеспособные, то все равно их пытаются представить странными, низшими и смутно опасными: приемлемыми, возможно, для других, менее требовательных людей, но никак не для нас — людей достойных. Подобные реакции являются различными формами *ксенофобии* (боязни чужих) или *гетерофобии* (боязни других). Это различные способы защиты того неустойчивого и непостоянного порядка, который поддерживается исключительно общим культурным кодом: воинствующей *двусмысленностью*.

Можно сказать, что различия между “мы” и “они”, “здесь” и “там”, “внутри” и “вовне”, “родной” и “чужой” являются едва ли не самыми важными различиями, устанавливаемыми и поддерживаемыми культурами. Посредством этих различий они проводят границы территории, над которой провозглашают свое безраздельное право

и которую охраняют от какой бы то ни было конкуренции. Культуры склонны быть терпимыми к другим культурам только на расстоянии — только при условии исключения какого бы то ни было обмена или ограничения его строго контролируемой областью и ритуализированной формой (например, торговые сделки с “иностранными” торговцами и владельцами ресторанов; использование иностранцев на подсобной работе, которая предполагает лишь минимум взаимодействия и строго ограничена одной сферой жизни; восхищение “иностранными” продуктами культуры в надежном убежище музея, сцены, экрана или эстрадной площадки; отдых или развлечение — как досуг, отдельный и не смешиваемый с “нормальной” повседневной жизнью).

Описывая иными словами направленность культурной деятельности, можно сказать, что культуры, как правило, стремятся к гегемонии, т.е. к монополии норм и ценностей, на которых воздвигнут их собственный особый порядок. Культуры стремятся также к единообразию в области, подчиненной их гегемонии, и в то же время резко отделяют эту область от остального человеческого мира. Тем самым им внутренне присуще неприятие равенства форм жизни, они отдают предпочтение одному выбору перед остальными возможными. Большой частью культура является *обращением в свою веру* (миссионерством). Она побуждает своих приверженцев отказаться от старых привычек и убеждений и воспринять вместо них другие. Своим острием она направлена против ереси, рассматриваемой как “иностранное влияние”. Она уязвима, поскольку представляет внутренний порядок как произвольный, допускающий выбор, и тем самым ослабляет давление господствующих норм, подрывая их монопольную власть. Когда несколько культурных устройств сосуществует без четких разграничительных линий, обозначающих области их влияния (т.е. в условиях культурного плюрализма), тогда насущным становится отношение *взаимной терпимости* (взаимного признания самоценности другой стороны), однако его не так-то просто достичь.